

летописи» нападает на Австрию и Россию, видя в них как в империях главных врагов революции. Прежний идеал просвещенной монархии им оставлен, всякая монархия теперь для Мерсье представляет зло, но квинтэссенцией зла видятся империи, поэтому беспощадной критике подвергаются и император Иосиф II, и императрица Екатерина II. Постепенно центральной фигурой, на которую направлена ненависть издателя, оказывается уже только Екатерина, поскольку, по его мнению, именно она сплачивает Европу против революционной Франции. Образ русской монархии демонизируется, при этом Мерсье и его соавтор Ж.-Л. Карра не брезгают намеками на личную жизнь императрицы, одновременно представляя ее тираном и узурпатором. В 1793 году Мерсье и Карра были арестованы, издание газеты продолжил умеренный Ж.-Б. Салавиль, тон «Летописи» заметно смягчился, однако и в этот период в ней можно встретить негативные отзывы о Российской империи и предсказание ее неизбежного краха. Доклад вызвал большой интерес, в его обсуждении были названы источники, которые стоило бы привлечь при дальнейшей разработке темы, среди них народные листки, карикатуры, порнографические издания.

28 ноября на семинаре с докладом «Жанр эпической поэмы в критических работах А. Ф. Мерзлякова» выступила Анджелика Фасчелла (Италия). В нем были рассмотрены взгляды Мерзлякова на героическую поэму как жанр. Свои мысли об эпопее он изложил в главе «Эпопея, или Героическая поэма» руководства «Краткое начертание теории изящной словесности» (1822), в лекции «О талантах стихотворца», опубликованной в 1812 году в журнале «Вестник Европы», и при разборе поэмы М. М. Хераскова «Россиада» (1815). Эти сочинения свидетельствуют о развитии концепции Мерзлякова, которая не была лишена противоречий. С одной стороны, он провозглашает полную верность классицизму, а с другой — проявляет скептицизм по отношению к отдельным его принципам, переосмысляя их в духе сентиментализма и романтизма. Сочетая различные подходы

к героической поэме, Мерзляков приходит к своей оригинальной теории, в которой строгая нормативность совмещается с требованием изображения природы и чувств героев. В прениях по докладу обсуждались переводы эпоей самим Мерзляковым, выбор им александрийского стиха при переводе «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо, сочетающегося у него с русским эпическим стилем, в котором славянизмы соседствуют с просторечными словами и оборотами речи.

19 декабря с докладом «Державин в музыке: о работе над каталогом нотных изданий» выступила Н. П. Морозова. Она сообщила о своей многолетней работе над составлением каталога нотных изданий «Державин в музыке», который призван отразить музыкальные произведения к стихам Державина, созданные не только при его жизни, но и в последовавшее за нею время, вплоть до наших дней. В каталоге планируется фиксация и несохранившихся или неизданных нот. Источниками для составления каталога послужили Сводные каталоги российских нотных изданий XVIII и первой четверти XIX века, разнообразные справочники, картотеки нотных отделов крупнейших библиотек. По предварительным подсчетам Морозовой к творчеству Державина обращалось 46 композиторов, из них 12 положили его произведения на музыку еще при жизни поэта (Д. С. Бортнянский, О. А. Козловский, С. Нейком, С. Давыдов, Дж. Сартти и др.). Всего на музыку было положено 64 произведения Державина, чаще всего музыканты обращались к его кантатам и ораториям. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой обсуждались причины явного предпочтения композиторами крупных лирических форм его песням. По мнению Н. П. Морозовой, это может быть связано с тем, что период расцвета домашнего музицирования, с преобладанием жанра романса пришелся на время, когда язык лирики Державина воспринимался уже как архаичный.

© Н. Ю. Алексеева

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-270-274

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ КЛАССИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПЕРЕСЕЧЕНИЯ“,
КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ»***

24–25 июня 2024 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Рус-

ские классики второй половины XIX века: биографические и литературные „пересечения“, критическая рецепция и интертекстуальные связи». Исследователями из КНР, Франции, а также из самых разных регионов России: от Санкт-Петербурга до Благовещенска — было прочитано более двадцати докладов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

Со вступительным словом выступил председатель Оргкомитета конференции С. А. Кибальник (Санкт-Петербург). Он рассказал о том, что материалы конференции, а также другие исследования по ее теме будут представлены на странице данного проекта РНФ, которая будет открыта на сайте ИРЛИ РАН.

Утреннее пленарное заседание конференции началось докладом В. А. Доманского (Санкт-Петербург) «И. А. Гончаров и А. Н. Островский: личные и деловые отношения и творческие переключки». В нем были рассмотрены личные и деловые отношения двух русских классиков. Гончаров дал самую емкую и точную оценку творческим заслуг русского драматурга, которая уже давно стала хрестоматийной. Содержание доклада построено на отзывах Гончарова о пьесе Островского «Гроза», его письмах к русскому драматургу, материалах его работы цензором Петербургского цензурного комитета, службы в Совете Министерства Внутренних дел по делам книгопечатания. Анализировались материалы неопубликованной статьи Гончарова, посвященной Островскому. Отдельно рассмотрены творческие переключки романиста и драматурга, прежде всего, в изображении ими столицы и провинции, в «усадебном» и «городском» тексте их произведений.

В докладе С. Н. Гуськова (Санкт-Петербург) «Конфликт Гончарова и Тургенева в социальной оптике» был предложен новый подход к известному литературному скандалу, связанному с обвинениями И. С. Тургенева в использовании в «Дворянском гнезде» и «Накануне» рассказанных ему Гончаровым отдельных сцен и мотивов романа «Обрыв». По предположению докладчика, конфликт был предопределен сложными изменениями литературного поля в период с 1855-го (когда Гончаров рассказал Тургеневу замысел «Обрыва») по 1860 год (когда прозвучали обвинения в плагиате). Во второй половине 1850-х годов меняется характер литературной коммуникации, в условиях конкуренции персонализируется политика журналов, а в связи с выходом «Обломова» (1859) и особенно статьи о нем Н. А. Добролюбова меняется самоидентификация Гончарова. В результате нормализованная в предыдущую эпоху апроприация чужих мотивов и сюжетов осознается Гончаровым как неприемлемая.

О. Б. Кафанова (Санкт-Петербург) представила доклад «Что более всего И. С. Тургенев ценил в драматургии А. Н. Островского?». Многочисленные отклики И. С. Тургенева на драматургию Островского в письмах к В. П. Боткину, П. В. Анненкову, А. А. Фету, Ф. М. Достоевскому и другим корреспондентам складываются в интересную картину критической интерпретации. Тургенев считал слабыми исторические драмы, которые называл «водянистыми»; не любил он и сюжеты, построенные на денежно-финансовых отношениях («Доходное место»). Вместе с тем он высоко ценил пьесы социально-психологической направленности, среди которых «Воевода», «Лес» и особенно-

сти «Гроза». Признав в Островском выдающегося драматурга, входящего в когорту лучших русских авторов, Тургенев настойчиво пропагандировал его творчество за рубежом, в результате чего появились статьи В. Рольстона и перевод на французский язык «Грозы» («L'Orage»), в котором он сам принял участие вместе с Э. Дюраном.

Доклад «Литературный и исторический контекст образа Кармазинова в „Бесах“ Достоевского: (на материале черновых рукописей романа)» прочитала Н. А. Тарасова (Санкт-Петербург). Анализ этих материалов позволил установить неточности прочтения материала публикаторами, влияющие на истолкование текста, и подготовить историко-литературный комментарий к новонайденным фактам творческой истории этого произведения — античным аллюзиям и мотивам в сцене праздника в доме губернаторши. При исследовании указанного материала Тарасова обращалась к русской литературе XVIII века, римской истории и античной мифологии.

В докладе Е. Г. Новиковой (Томск) «И. С. Тургенев в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“: повесть „Степной король Лир“» была предпринята попытка осмыслить интертекстуальные связи между Достоевским и Тургеневым в контексте романа «Бесы». Докладчица продемонстрировала, что, наряду с общеизвестными обращениями к Тургеневу в этом романе (сатирический образ Кармазинова, его пародийное произведение «Merci» и др.), следует учитывать и его повесть «Степной король Лир» (1870), с которой Достоевский познакомился в период создания «Бесов». Типологическая модель романа Достоевского во многом восходит к тургеневским «Отцам и детям»; в свою очередь, тургеневские и шекспировские смыслы «Степного короля Лира» во многом определили романский финал «Бесов»: исход Степана Трофимовича Верховенского из города как бунт отцов против бесовства детей.

Е. А. Тахо-Годи (Москва) выступила с докладом «Достоевский — Соловьев в свете антиномико-символической теории А. Ф. Лосева». Особое внимание в докладе было уделено интерпретации А. Ф. Лосевым в книге «Владимир Соловьев и его время» трактовок воззрений Ф. М. Достоевского, данных Вл. Соловьевым в «Трех речах в память Достоевского (1881–1883 гг.)». Для понимания лосевской позиции привлекались суждения философа о Достоевском и из книги «Проблема символа и реалистическое искусство». Было показано, что, исходя из собственной концепции символа, А. Ф. Лосев приходит к пониманию природы поэтики Достоевского как антиномико-символической. По мнению докладчицы, такой подход — это и новый инструмент для анализа текстов Достоевского, и философское обоснование схождения поэтик Достоевского и русского символизма.

Дневное пленарное заседание открылось докладом Ли Чжэньжуна (КНР) «О „счастливой“ и „несчастливой“ семьях в русской классике

второй половины XIX века». Исследователь отталкивался от критических работ С. А. Рачинского и А. В. Станкевича об «Анне Карениной», в которых была высказана мысль о том, что понятия «пересечения» и «параллельные линии» при всей их внешней противоположности могут обозначать различные виды связей между литературными произведениями. По мнению докладчика, это же явление имеет место в случае с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В решении центральной его темы — темы «несчастливых семей» — другими писателями могут быть установлены «пересечения» и литературные «параллели». Они по-разному описываются в различных литературных моделях, но, так или иначе, знаменуют наличие серьезных связей между произведениями.

В докладе О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Русские классики в „серьезной“ прозе „Русского Джерома“» речь шла об одном из периодов творчества прозаика и драматурга Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева; 1856–1911), современника и друга А. П. Чехова. В 1890-х годах он попробовал от легкой беллетристики и водевилей перейти к крупной форме и серьезным темам. Доклад был посвящен «присутствию» Гоголя, Достоевского и Толстого в интertextуальном слое трех произведений — повестей «Около истины» и «Убыль души» и незавершенного романа «Миллион терзаний». Наиболее интересные случаи переплетения «толстовского» и «достоевского» начал в сюжетных линиях и образной системе «антитолстовской» повести «Около истины» (1892), где вождь толстовцев не только узнаваемо «списан» с В. Г. Черткова, но и является своего рода реинкарнацией Ставрогина.

А. П. Дмитриев (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Беседы С. П. Шевырева в русских колониях Флоренции и Парижа о братьях-писателях (по архивным материалам)». На основе эпистолярных материалов писателя из архивов ИРЛИ и РНБ в нем уточнялись обстоятельства работы писателя над «Историей русской словесности» на итальянском языке, изданной во Флоренции в 1862 году. В частности, доказывалось, что эта книга была завершена летом 1859-го, а не весной 1862 года, как до сих пор считалось. Расшифровка черновых рукописей лекционных курсов, прочитанных Шевыревым с февраля по апрель 1861 года во Флоренции (15 лекций) и с февраля по май 1862 года в Париже (18 лекций), позволила реконструировать его отзывы о Тургеневе, Гончарове, Фете, Островском, С. Т. и И. С. Аксаковых, Л. Н. Толстом, Салтыкове-Щедрине. Суждения Шевырева о писателях-современниках первого ряда отличаются, как правило, известной резкостью в оценке идейного содержания их произведений в сочетании с тонкостью характеристик их эстетических достоинств. В докладе приводились также ценные сведения об организации лекций, об их великобританских слушателях, о контактах писателя с итальянскими интеллектуалами Николо Томмазо и Франческо Даль'Онгаро, Н. А. Добролю-

бовым, польским историком Леонардом Ходзько, почерпнутые из писем Шевырева к сыну Борису.

Доклад Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) был озаглавлен «„Фетышисты“ рубежа XIX–XX веков: К вопросу о канонизации лирики А. Фета». В нем рассматривался процесс освоения творческого наследия поэта новым поколением литераторов в контексте предсимволизма, при смене идейно-эстетических парадигм. Отмечалась роль таких критиков, как П. П. Перцов (ему и принадлежит выражение, вынесенное в название доклада), составитель антологии «Философские течения современной поэзии» Д. С. Мережковский, автор ряда программных выступлений, В. Брюсов, редактор альманаха «Северные цветы». Именно они пытались раскрыть значение А. Фета как лирика и метафизика и, соответственно, его «созвучность» новой эпохе. Докладчица акцентировала внимание еще на одном канале трансляции — семейных стихотворных альбомах, в частности на рукописных альбомах матери А. А. Блока А. А. Кублицкой-Пиотух, ставших для будущего поэта первоисточником знакомства с фетовской лирикой. На этом фоне, с учетом фактора семейного окружения, повседневных культурных практик (мелодекламация, музицирование, библиофилия), были проанализированы эстетические предпочтения поэта-символиста, спектр фетовских цитат и реминисценций в его лирике и эпистолярии, а также поэтологические аспекты освоения фетовской традиции, способствовавшие закреплению ее в отечественном литературном каноне.

В. А. Котельников (Санкт-Петербург) в докладе «Деканонизация Л. Н. Толстого Акимом Вольским» отметил, что отдельно взятую толстовскую эпику как литературный канон XIX века Вольский затрагивал мало. Главным предметом его внимания была религиозно-этическая мысль в ее единстве с художественным делом писателя. В 1880-е годы Вольский оценил ее как вписанный в творчество Толстого великий ответ на «человеческую тоску по внутренней свободе», но впоследствии, по мнению докладчика, показал, что эта толстовская мысль догматизировалась в толстовском учении и привела к созданию идейно-тенденциозных произведений, разрывающих с духовной и психологической правдой классического реализма. Так, в романе «Воскресение», считал Вольский, нет реального воскресения человеческой личности, а есть лишь наивное представление автора о пути к воскресению. В докладе также было рассмотрено последнее критическое выступление Вольского о Толстом — его сообщение осенью 1923 года на собрании литераторов (возможно, на заседании редколлегии «Всемирной литературы»).

Дневное пленарное заседание завершил доклад А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «От Толстого до Чехова: параллели в публицистике А. В. Амфитеатрова 1917–1918 годов». Речь в нем шла о фельетонах послеоктябрьского периода, публиковавшихся в России до августа

1918 года. Был приведен обзор тем и сюжетов печатных выступлений Амфитеатрова этого периода, в которых он откидался на Февральскую и Октябрьскую революции. Анализировались художественные приемы: прямые параллели, парафразы, нарочитое цитирование произведений классической литературы и др. При этом в первую очередь Амфитеатров обращался к произведениям сатирического направления русской классической литературы — Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина — а также Г. И. Успенского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Горького. Цитаты и сюжетные параллели из них он проецировал на современную ему действительность, иллюстрируя тем самым как революционные события, так и инициативы первых месяцев советской власти.

Второй день работы конференции открылся докладом А. В. Кубасова (Екатеринбург) «Диалог А. П. Чехова с классиками и современниками в водевилях писателя». В нем было показано, как Чехов травестирует в жанре водевиля то, что было серьезной проблемой у классиков. В частности, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» образ Алексея Каренина являет собой самое глубокое в русской литературе исследование переживаний супругом измены жены. В водевиле Чехова «Трагик поневоле» страдания мужа-рогоносца обращены в фарс. Если с романом чеховский водевиль связан типологически с одновременным переобразованием образа героя, то с водевилем И. Л. Леонтьева-Щеглова «Дачный муж» связь генетическая, обусловленная художественной полемикой Чехова с современником.

А. В. Лексина (Москва) прочитала доклад «А. П. Чехов и А. Н. Островский: интертекстуальные связи и стереотипизация женских образов». Она рассматривала проекции в пьесах Чехова стереотипов женских образов, созданных Островским. Если у Островского в основном это жертвы, хищницы и тип женщины, осуществляющей прорыв из позиции «жертвы», то в произведениях Чехова эти три типа дополнены женщиной-работницей, способной противостоять условиям социальной среды (Соня в «Дяде Ване», Нина в «Чайке» и др.). При этом пародийная интертекстуальная полемика Чехова служит в том числе и преодолению гендерной стереотипизации и психологического детерминизма.

Доклад Е. Д. Гальцовой (Москва) был посвящен теме «„Подпольный дух“ в первых французских театральных постановках „Власти тьмы“ и „Грозы“: к вопросу о „недоразумениях“ во французской рецепции русской классики XIX века». В нем анализировались ошибки в восприятии чужой культуры, которые оказываются продуктивным способом ее популяризации. В качестве примера были использованы впоследствии неоднократно переиздававшиеся книги: повесть или роман «Подпольный дух» (перевод-адаптация-компиляция 1886 года «Хозяйки» и «Записок из подполья» Достоевского Ш. Морисом и И. Гальпериным-Каминским) и сборник пьес «о русской жизни», вышедший

в 1889 году: «Власть тьмы», «Гроза» и «Василиса Мелентьева» в переводе И. Павловского и О. Метенья.

С. Л. Фокин (Санкт-Петербург) в своем докладе осветил тему «Тургенев, Толстой, Достоевский в „Мемуарах литературной жизни 1887–1896 годов“ Э. и Ж. де Гонкур». Здесь были представлены отразившиеся в «Дневнике» братьев Гонкур метаморфозы рецепции русских писателей, книги которых, особенно после появления «Русского романа» (1886) Э. М. де Вогюэ, поставили под вопрос традицию классического «французского романа». Воспринимая себя поборником национальной литературы, старший Гонкур ревниво следил за успехом русских писателей во Франции, не щадя в своих оценках даже И. С. Тургенева, с которым его связывала многолетняя дружба. В сознании одного из самых именитых писателей Франции того времени Достоевский, Толстой, Тургенев представляли единую эстетическую субстанцию, в которой натуралистическое выражение «русскости» базировалось на своеобразной трансформации иноязычных литературных традиций.

Второе заседание 25 июня открылось докладом М. В. Михновец «Вопрос о судьбах балканских народов в творческом наследии Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского». Он был посвящен заочному публицистическому диалогу Достоевского и Чернышевского. Предметом рассмотрения стал вопрос о специфике восприятия двумя мыслителями судеб балканских народов. Опираясь на публикации в журнале «Современник» и в «Дневнике писателя», докладчица показала, что для Чернышевского на первый план выходит вопрос о национальной самобытности и специфике каждого из народов, их языковым и профессиональным своеобразии. Для Достоевского же балканские народы представляют интерес исключительно в связи с его идеей единого панславянского государства.

М. Н. Волвенкин (Воронеж) выступил с докладом «Два взгляда на гимнастику: Лев Толстой и Николай Чернышевский». В нем рассматривалось осмысление гимнастики и восприятие гимнастического дискурса русскими писателями в 1850-е годы — Толстым и Чернышевским. Позиции их по этому вопросу во многом полярны. Для молодого Толстого гимнастика — часть грандиозной программы по упорядочиванию жизни, позволяющей преодолеть разрушительное влияние общества. Чернышевский же видит в этой телесной практике, служащей лишь дополнением к общественно-полезному труду, возможность благого влияния на человека как гражданина.

В докладе Виктора Димитриева (Грузия/Франция) «Эмиграция у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: творческий диалог» были прослежены некоторые тенденции изображения «русского человека за границей» в литературе второй половины XIX века с акцентом на творчестве двух классиков. Было высказано предположение, что образ Версилова из романа «Подросток» (1875) ориентирован не только

на Константина Левина, что подтверждается текстом подготовительных материалов и существующими исследованиями, но и на Дмитрия Нехлюдова из рассказа «Люцерн: из записок князя Д. Нехлюдова» (1857). В доказательство докладчик привел фрагмент из исповеди Версилова, где герой сообщает о появившейся за рубежом потребности осчастливить конкретного человека, а не «какого-нибудь подвернувшегося немца или немку». Предполагается, что это аллюзия на поступок Нехлюдова в отношении тирольца из «Люцерна». Возможность такой интерпретации подтверждается и другими фактами. Версилов хорошо разбирается в творчестве Толстого от автобиографической трилогии до печатавшейся «Анны Карениной», об этом сообщено в черновой рукописи романа. Кроме того, эта аллюзия соотносится с другими примерами использования толстовского контекста в романе «Подросток».

И. А. Кравчук (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Творческие связи Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина». Наиболее перспективным направлением в исследовании темы докладчик назвал выявление фундаментальных сближений Лескова и Щедрина на уровне повествовательных структур и жанровой поэтики. Еще И. П. Видуэцкая и Н. Н. Старыгина обращали внимание на повышенный интерес Лескова и Щедрина к циклическим формам. Развивая эти концепции, можно поставить вопрос о «гостомельском» цикле Лескова как своего рода ответе на «крутогорский» цикл Салтыкова. В том и другом случае писатели стремились разорвать тесные рамки предшествующей социально-психологической оптики, пробле-

матизировать понятие типа в современной им литературе.

Лю Лянчэнь (КНР) представил вниманию участников доклад «Лишние люди и „желчевики“». Названные типы докладчик рассмотрел как представителей двух поколений интеллигенции: дворянства и разночинцев, которые пришли на смену «лишним людям» во второй половине XIX века. В русской литературе данного периода шел интенсивный творческий диалог о «желчевиках» с участием Н. Г. Чернышевского, Д. В. Григоровича, А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского, которые по-разному рассуждали в связи с «желчевиками» и о самой этой «физиологической» метафоре. В докладе рассматривалась также другая «точка пересечения» многих писателей в трактовке образов разночинцев и революционеров: «боль в печени».

Темой доклада Вэй Жэня (КНР) стала «Художественно-автобиографическая литература второй половины XIX века как поле „пересечений“». В нем рассматривались произведения С. Т. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, П. А. Кулиша и А. Я. Панаевой о детстве. Речь также шла о переводах произведений Ч. Диккенса как существенном факторе, влиявшем на трактовку этой темы в русской литературе. В докладе была сделана попытка применения к названному материалу теории «повестки дня», которую развивал У. Липпман.

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию.

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-274-278

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

С 20 июля по 20 августа 2024 года в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Музее Иосифа Бродского «Полторы комнаты» и Музее-усадьбе «Рождествено» в очном и онлайн форматах прошли международная научная конференция и просветительский фестиваль «Набоковские чтения». В этом году мероприятия были приурочены к 125-летию со дня рождения В. В. Набокова. Трансляции заседаний конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Фестиваль стартовал 20 июля открытием выставки «Современники: Набоков и Бродский». Имена двух величайших петербургских авторов XX века редко звучат вместе — слишком разными они были и как писатели, и как личности. Однако многое их и объединяло — и город, ставший героем многих их текстов, и неприятие «мимолетности времени», и способность «с неестественной ясностью, словно

сквозь мощную линзу» увидеть и запечатлеть события своего петербургского/ленинградского детства.

На выставке впервые был представлен оригинал письма Бродского из собрания музея «Рождествено», в котором он высказывает свое неожиданное мнение о Набокове-писателе. Также можно было увидеть машинопись стихотворения «Остановка в пустыне» 1968 года с надписью Бродского «в благодарности за джинсы», подаренную его другу К. М. Азадовскому.

На открытии речь шла о предыстории письма, а также о том, как Набоков и Бродский относились друг к другу, что объединяло и что разъединяло этих двух великих современников. Письмо Бродского прочла А. И. Кузнецова. Также Т. О. Пономарева выступила с лекцией «Петербург Набокова и Бродского», на которой речь шла о том, каким мы видим город в воспоминаниях двух писателей.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ КЛАССИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПЕРЕСЕЧЕНИЯ“,
КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ»**

**RUSSIAN CLASSICS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY:
BIOGRAPHICAL AND LITERARY «JUNCTIONS»,
CRITICAL RECEPTION AND INTERTEXTUAL LINKS
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Полина Викторовна Бояркина

младший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Polina Viktorovna Boiarkina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0003-2994-143X

polina.boyarkina@gmail.com

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАВОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**THE FIFTH INTERNATIONAL NAVOKOV READINGS**

[*Meeting Abstract*]